

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «СТАЛКЕР»

Аркадий и Борис Стругацкие. ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО

НОВАЯ ЗОНА

Сергей Недоруб. «ЛИЧНОСТЬ КЛИЕНТА»
Сергей Клочков. «ВРЕМЯ ТУМАНОВ»
Евгений Прошкин, Олег Овчинников. «КОНТУР БОЛИ»
Сергей Слюсаренко. «КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ»
Роман Куликов. «ЦЕПЬ СУДЬБЫ»
Дмитрий Володихин. «ТИХОЕ ВТОРЖЕНИЕ»
Сергей Недоруб. «ШЕСТАЯ СТУПЕНЬ»
Сергей Слюсаренко. «КРОМЕШНЫЙ СВЕТ»
Сергей Клочков. «В РАЙ БЕЗ ОЧЕРЕДИ»
Юрий и Татьяна Бурносовы. «ТОННЕЛЬНАЯ КРЫСА»
Григорий Елисеев. «ИГРА ВСЛЕПУЮ»
Сергей Недоруб. «ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ»
Роман Куликов. «ПРОЕКТ «МИНОТАВР»»
Игорь Недозор. «ПЕРВОПРОХОДЦЫ АДА»
Светлана Кузнецова. «ХОЗЯЕВА МОСКВЫ»
Сергей Недоруб. «ДРУЗЬЯ ДРУЗЕЙ»

РАДИАНТ ПИЛЬМАНА/ ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ

Андрей Альтанов. «ИГРЫ С ЗАПРЕДЕЛЬНЫМ»
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. «ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЯ»
Илья Тё. «ТОПОТ БЕССМЕРТНЫХ»
Сергей Вольнов, Владимир Колчин. «В СПЯЩЕМ РЕЖИМЕ»
Андрей Альтанов. «ТРОПАМИ ТЕНЕНИЙ»
Сергей Вольнов, Владимир Колчин. «ПЛАТА ЗА ВЫХОД»
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. «ИСПЫТАНИЕ СИЛОЙ»
Игорь Минаков, Максим Хорсун. «БРОДЯГА ДИК»
Александр Тюрин. «ЛУЧ ИЗ ТЬМЫ»
Александр Щёголев. «ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ»
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. «ЗАЛОЖНИКИ НЕБЕС»

ЗОНА БУДУЩЕГО

Сергей Вольнов. «ПРЫЖОК В СЕКУНДУ»

СТРАКЕР

Сергей Недоруб

[НОВАЯ ЗОНА]
ДРУЗЬЯ ДРУЗЕЙ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н42

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Серийное оформление Э. Э. Кунтыш
Компьютерный дизайн А. И. Смирнова
Иллюстрация А. С. Руденко

Недуруб, Сергей Иванович.

Н42 Новая Зона. Друзья друзей : [фантастический роман] / Сергей Недуруб. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (СТАЛКЕР).

ISBN 978-5-17-089191-7

Несмотря на старания Марка, Борланда и Виктора помешать планам заговорщиков, в Москве возникла Новая Зона. Остается лишь принять свою судьбу... или же восстать против нее.

У сбежавшего с «Вертикали» Борланда есть три дня на то, чтобы найти в Москве своих друзей и помочь им навсегда скрыться от любого преследования. Однако мест на всех не хватит. Кому-то из них уготовлен другой путь. Попутно Борланду придется решить для себя, чем стала для него Зона — призванием или же страницей, которую надлежит перевернуть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089191-7

© С.И. Недуруб, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ЧАСТЬ I

1

Киев, Шевченковский район, шахматный клуб

4 февраля 1996 г.

11:18

— Марк!

Сидящий за доской девятилетний мальчик встрепенулся, услышав собственное имя, обернулся на педагога. Тот обеспокоенно показал на свое запястье — мол, следи за временем. Марк передвинул ладью вправо и нажал на кнопку контрольных часов, пустив таймер соперника.

Им выступал Артем, который был старше на год. Он раздумывал недолго: решительно двинул пешку вперед и нажал на свою кнопку. Марк словно не услышал этого звука. Он так разглядывал доску, будто только что нарисовал ее на холсте и теперь прикидывал на глаз чистоту красок и плавность линий. Казалось, он никак не участвует в игре и всего лишь занимает место другого игрока. Впрочем, судя по явно выигрышной ситуации на поле, вести партию более достойно было бы сложно. Трофейных фигур у Марка насчитывалось на две меньше, чем у Артема, зато с точки зрения их ценности он однозначно лидировал.

С другой стороны, Артем не зря прославился как самый молодой участник школьного шахматного клуба, ворвавшийся в региональные соревнования сразу после достижения проходного возраста в десять лет. Правда, это было до пришествия Марка — единственного в городе, кто теоретически мог его обойти. Пусть в областной чемпионат Марк в любом случае в этом году не попадал, но на кону стояла репутация Артема, что для обоих мальчишек было важнее каких-то там дипломов и наградных игровых приставок.

За пять секунд до потери хода Марк снова как бы вспомнил, что участвует в шахматной партии, передвинул офицера на три клетки и нажал на кнопку. Артем встрепнулся, начал напряженно обдумывать ситуацию, словно получившаяся раскладка выходила за рамки его расчетов.

Спустя пять минут коллекция Марка пополнилась еще тремя фигурами Артема. Еще через три стало ясно, за кем партия, хотя шансы на перелом еще оставались. Марк сменил позу на стуле, принялся барабанить пальцами по столу, отстукивая сначала ритм на семь четвертых, затем на пять. В свой следующий ход он неожиданно передвинул контрольные часы, затем улыбнулся, словно извиняясь за свою небрежность. Это окончательно сбilo концентрацию Артема — он сделал необдуманый шаг и подставил неуловимого коня под удар ладьи Марка, после чего его король уже был обречен. Артем со вздохом встал из-за стола, положил короля на доску, и Марк заулыбался под заслуженные аплодисменты.

— Марк, пойдй сюда, — позвал его педагог. Пожилой, полностью седоволосый преподаватель

информатики по имени Николай Васильевич, заведовавший шахматным клубом, был заметно обеспокоен. — Что это было?

— Я выиграл партию, — доложил Марк, почти не скрывая удовольствия.

— Я видел. Ты молодец. Но все равно объясни: зачем было так много ненужных движений?

— Каких движений?

— Ты постоянно вертелся, привлекал внимание, пытался казаться загадочным. Не говори, что это было случайно. Я знаю, как ты обычно играешь. Полная сосредоточенность, внимание на доску, контроль над фигурами, никаких необдуманных ходов или трат энергии.

Николай Васильевич изъяснялся с мальчиком свободно — он знал, что Марк понимает значение всех слов, и такой тон вполне комфортабельно укладывался в его уши.

И все же последующие объяснения мальчика ввергли его в оторопь.

— Дело в том, Николай Васильевич, что мой соперник тоже знает всю эту тактику, — ответил Марк. — Он хорошо считает, держит себя в руках, сосредоточивается. Потому он и попал на соревнование так рано. Я решил, что надо делать по-другому. Сбить ему внимание своим поведением. Так поступают все чемпионы. Если не играют против компьютера.

— Ты эту речь долго репетировал? — спросил педагог, и мальчик сразу покраснел.

— Не очень, — признался он.

— Ты еще до партии рассчитывал, что выиграешь? И запланировал мое удивление?

— Нет, — сказал Марк. — То есть да, я хотел выиграть...

— Зачем пальцами стучал по столу?

— Это моя отвлекающая схема, — ответил Марк. — Чтобы сбить Артема с толку. Он иногда так шевелит губами, что я понял — он считает про себя на три или четыре четверти, раз в секунду. Он так отмеривает время. Шестьдесят секунд легко делить и на три, и на четыре. Я начал отстукивать ритм на семь четвертых, а потом на пять. Это его сбило. А еще я нажимал на часы в последнюю секунду, чтоб Артем думал не о шахматах, а о том, успею я нажать или не успею.

Николай Васильевич тяжело вздохнул.

— Ты просто хотел сделать все красиво, — подвел он итог.

Марк кивнул.

— В этом не было необходимости, — заверил педагог. — Артем играет хорошо, но ты мог бы его сделать просто своим уровнем игры. Люди пришли посмотреть на чистую партию. А ты в ответ продемонстрировал им психологическое давление.

— Психическая атака, — вспомнил Марк термин с гордостью.

— Да. А в чем суть психической атаки, знаешь?

— Заставить соперника сделать ошибку, разве нет?

— Заставить всех почувствовать себя идиотами, а тебя самого — непредсказуемым. Вот чего ты добился, Марк.

— Но... — Мальчик посмотрел по сторонам и обнаружил, что никто на него не смотрит.

— Да, всем на тебя наплевать, — пояснил Николай Васильевич. — Пока мы с тобой говорим, с Артемом за твоей спиной побеседовали шесть человек. Его учитель, родители и трое посторонних людей. Все остальные сейчас суетятся, пытаются вернуть себе обычное эмоциональное состояние, в котором дети ведут себя как дети и не используют интеллектуальный спорт для саморекламы. Ты всех взбудоражил своей тактикой. Заметь — тактикой, а не победой. Ты выиграл партию, но заставил своего оппонента почувствовать себя неудобно. А поскольку он был и остается всеобщим любимцем, то неудобно себя почувствовали и все остальные. Поэтому Артем и дальше поедет на соревнования. А у тебя есть еще год на то, чтобы провести анализ своих ошибок и сделать выводы.

— Как же так? — спросил Марк. — Мне надо зажимать себя как личность?

Глядя снизу вверх на невысокого педагога, Марк напоминал нахохлившегося воробушка. Николай Васильевич еле сдержал смех.

— Зависит от рода деятельности, — ответил он. — Будь ты в «Формуле-1», тебе бы пригодился индивидуальный стиль. Во всех видах спорта, в основе которого лежит зрелищность, наглость может помочь. Однако шахматы построены на четкой системе. Здесь ты как олимпийский игрок — работаешь по таймеру и просто делаешь свое дело, не пытаясь улыбаться в камеру каждый раз, как она повернется в твою сторону. Твоя задача — действовать прагматично, обдуманно, добиваясь своей цели. Незачем каждый раз показывать свою крутизну. Поверь, в жизни уважение к

человеку может принести намного большую пользу, нежели попытка проехаться на нем с радостными воплями. Тебе нужно учиться сосредоточиваться, а не пытаться разнообразить работу излишними красотами. Потому что чувство красоты — строго индивидуально у каждого. И то, что тебе кажется стильным, другим может быть воспринято как неуважение или даже оскорбление.

Марк выглядел растерянным.

— И что же делать? — спросил он.

— Для начала — не пытаться копировать никого. Думай, что нужно человеку, и дай ему это. Ты в шахматах не любишь проигрывать?

— Конечно, не люблю.

— А почему?

— Потому что это... неприятно.

— Вот. А проиграть мне тоже неприятно?

— Конечно, нет. Вы же намного старше и опытнее.

— Ты сегодня мог сделать так, чтобы Артем посчитал тебя намного старше и опытнее.

— Как это? — удивился Марк.

— Через твое отношение к нему. Ключ к уважению и успеху лежит именно в этом. Не надо топтаться на людях. Позволь им воспарить. В мире полно боев, где ты противника не видишь. Бывает и так, что противник — это твой друг или близкий человек, которого тебе надо переубедить. Если ты будешь видеть, что твой друг совершает ошибку, ты что сделаешь?

— Помогу исправить, — ответил Марк, не задумываясь.

— Как исправить? Сделаешь дело за него? Скажешь, как надо? А если он не станет слушать?

Будешь на него давить? Тоже, как с Артемом, покажешь ему, что он дурак?

Марк подыскивал ответ, но не находил его. Николай Васильевич положил руку ему на плечо.

— Ты хорош во всех играх, где заданы правила, — сказал он. — А вот когда нужно просто сходить с человеком, ты теряешься. Пытаешься искать правила, контроль, хочешь понять, кто друг, а кто враг. Шахматы этому не учат. В шахматах все просто. Но тебе уже пора учиться дальше.

— Чему учиться, Николай Васильевич?

Пожилой педагог пожал плечами.

— Играть, — ответил он. — Моделировать ситуации, понимать желания и ограничения людей и бережно к ним относиться. Только после этого сможешь решать, на кого давить, а на кого нет.

2

Московская Зона, первый день

16 марта 2014 г.

09:44

— Держать руки на виду! — Марк слегка качнул дулом револьвера. — Дернешься — и ты покойник. Все просто.

Он лгал, стараясь быть убедительным. Ничто не было просто. Ничего не бывает просто, если ты не убийца, твой пистолет не игрушечный, а стоящий перед тобой человек совсем не враг. Более того, призван по долгу службы быть тебе неизвестным другом. И, что еще хуже, вполне добросовестно этот долг исполняет. Может быть.

Стоящий перед Марком человек был полицейским. Обычным московским правозащитником, участвовавшим в эвакуации города или защите имущества от мародерства — почти бесполезной. И вся его вина заключалась в том, что его служебный автомобиль был оборудован новой системой поиска по базе преступлений, которой можно было пользоваться напрямую, без надобности связываться с диспетчером. То есть именно тем, что Марк искал. В других условиях сам факт приписки такого транспорта к этому полицейскому вместе с кодами допуска говорил бы о его принадлежности к активному раскрытию преступлений — своего рода интеллектуальной элите, в которой принято сначала думать, искать, находить, а потом уже стрелять. Хотя последний пункт и засчитывался бы в минус. Сейчас, пожалуй, было разумнее стрелять в первую очередь.

Пейзаж за спиной полицейского наводил на те же мысли. Ядовитого цвета туман, окутывавший север столицы, скрывал куда более серьезные ловушки вроде непримечательных мест на дороге, где случайный прохожий мог бы оказаться внезапно сплюснутым страшным давлением до размеров наперстка. Или обнаружить, что кости начинают превращаться в эластичную массу, да так, что невозможно догадаться, где именно ты умудрился пройти опасный участок. Аномалии пока что вспыхивали хаотично и на короткое время, и при определенных долях мастерства и везения можно было перемещаться по Москве относительно благополучно — но кто об этом знал, кроме десятка не знакомых друг с другом сталкер-

ров? И сколько из них согласились консультировать органы власти?

Поэтому неудивительно, что поспешная эвакуация города проводилась всеми имеющимися силами. И полицейскому с нервно дергающимся глазом досталась первая попавшаяся машина. Усиленный «Форд» с системой живого интерактивного поиска, доступом к глобальной базе данных и даже отдельным креплением для серьезного ствола. С той разницей, что вместо приличествующего помпового ружья на нем хранился укороченный «калашников». Спешность, с которой полицейскому выдали авто такого уровня и с боевым оружием, говорила о непродуманности плана эвакуации горожан, если не о полном его отсутствии. На решение вопроса попросту бросили все ресурсы. Похоже, что ни у кого из бывших руководителей Центра Аномальных Явлений не имелось рекомендаций на случай появления Зоны в Москве или в другом месте страны. Ждать такой программы от Левина, конечно, было бы смешно, но уж Мирослав Каменский мог бы и придумать способы сделать все нормально. Теперь же нельзя было предсказать, как поведут себя всякие министерства и городские службы.

Недостатки такой импровизации с их стороны были налицо: нельзя ни в коем случае отправлять вооруженных огнестрелами людей на подавление беспорядков. Просто во избежание попадания оружия в чужие руки. Именно это в данный момент и происходило. По напряженному выражению полицейского ясно читалось понимание этих ошибок. Но что-либо объяснять ему Марк не собирался. Не те условия.

— Слушай меня внимательно, — произнес Марк, продолжая держать револьвер нацеленным. — Твой электрошокер я тебе не верну — ты и сам это понял. И я забираю машину. Сейчас ты зол и растерян, но позже ты поймешь, что я спасаю тебе жизнь. На север города не суйся. Там ты не выживешь. Или в аномалию попадешь, или мародеры пристрелят. Лучше иди на запад, к своим. Если тебя остановят вооруженные банды — отдашь им свое снаряжение в обмен на жизнь. Пока что эта схема еще будет работать. Завтра все поймут, что измененная Москва — это надолго, и расклад уличной власти полностью поменяется. В полицейских просто будут стрелять на месте. К тому времени ты уже должен расстаться с формой. Только сильно не распыляйся. Первому отдашь фонарь, другому — наручники. Бронежилет отдай только жожаку. Этим дашь ему понять, что он сам уязвим, и он в благодарность позволит тебе уйти. Не пытайся понимать, что я тебе говорю. Просто запомни и, возможно, будешь жить.

Полицейский молчал. Пока что все будет проходить так, как Марк ему сказал. Сути услышанного он не поймет. Не сейчас. Но запомнит, независимо от того, хочет ли запоминать. Под дулом револьвера усваивается многое, минуя аналитический центр в мозге. Полицейский делает так, как ему советовали. А понимание придет позже — когда, находясь во временном штабе внутренних сил, он осознает, что не последует наказания за утерю двух единиц оружия и одной — служебного транспорта, поскольку к тому времени некому будет заниматься такими пустяками. Он обязательно все поймет — если останется жив.

* * *

Отъехав на полицейском «Форде» в сторону, Марк медленно повел машину вдоль улицы, прочь от тумана, уже заползавшего на улицу. Марк знал все или почти все проявления аномальной активности, но туман такого масштаба был ему неизвестен. Вероятно, одна из аномалий проявилась то ли на промышленном заводе, то ли в природных отложениях сероводорода, окутав добрую треть города желтовато-зеленым облаком — относительно безвредным, но снижавшим видимость. Можно было даже не думать, какие дикие фантазии сейчас охватили жителей Москвы по поводу тумана — от химической атаки террористов до порталов в иные миры, откуда вот-вот выглянут ходячие танки. Ни того, ни другого, конечно, не предвиделось, и это было очень плохо. Лучше бы действительно появлялись танки вместо невидимых аномалий. Люди так устроены, что склонны верить своим глазам и способны преодолеть страх того, что видят. Туман же отвлекал внимание, не позволял сосредоточиться на реальных опасностях. Но в любом случае люди поверят в эти опасности лишь тогда, когда пойдут первые массовые потери. Если уже не пошли.

Сделать для города уже ничего было нельзя: после прошедшей ночи жители города успели лишь убедиться, что непонятный катаклизм действительно существует и затрагивает большую часть Москвы, постепенно разрастаясь. Пока было сложно определить эпицентр, хотя уже ясно, что это точно не территория Кремля. Скорее, южная